

Особенности формирования Index Prohibitorum в ходе ленинградских чисток 1949-1950 гг.

Политические кампании, проходившие в Ленинграде в 1949-1951 гг. – процесс сложный и многофакторный. К сожалению, во многих исследованиях при анализе этих событий употребляется несколько упрощенный подход, при котором все чистки и проработки этого периода однозначно увязываются с борьбой против т.н. «антипартийной группы» (АПГ), т.е. с бывшими руководителями ленинградской парторганизации (П.С. Попковым, Я.Ф. Капустиним и др.) и их ближайшими сотрудниками, что в целом получило в историографии не совсем обоснованное название «ленинградского дела». Снятие со своих постов А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина и других руководителей в феврале 1949 г. было, безусловно, сильнейшим потрясением для всех партийных и советских работников, как в Ленинграде, так и в высшем руководстве партии и государства. Смена верхушки городской номенклатуры в феврале-марте 1949 г., снятие, а затем и аресты приближенных к ней партийных и советских чиновников среднего звена с присвоением им ярлыка «приспешников АПГ» (июнь 1949 г. – май 1950 г.), активные действия новых региональных лидеров по «выкорчевыванию последствий деятельности прежних руководителей» формировали обстановку, на фоне которой проходили менее крупные кампании. Вместе с тем, далеко не все ленинградские политические процессы этого периода были обусловлены исключительно этими событиями, некоторые из них начались еще до февраля 1949 г. и развивались согласно своим собственным сценариям.

В качестве примеров можно назвать две кампании: борьба с космополитизмом и буржуазным объективизмом среди филологов¹ и процесс ленинградских историков партии (С.И. Аввакумов, К.Г. Шариков, Н.А. Корнатовский)². Оба процесса начались до февраля 1949 г. Безусловно, в ходе их проведения новые городские руководители старались подчеркнуть, что подобные «идеологические извращения» стали возможны благодаря враждебной деятельности АПГ, однако впрямую, в рамках единого большого политического процесса эти кампании вместе не связывались, о чем

¹ Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы документальное исследование.- М.: Новое литературное обозрение, 2012.

² См., например, Болдовский К.А. «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...». «Дело Н.А. Корнатовского» в документах ленинградского горкома ВКП (б) 1949 года. // Новейшая история России. 2014. № 2(10). С. 257-307.

свидетельствует текст обвинительного заключения по делу ленинградских руководителей, суд над которыми проходил в конце сентября 1950 г.

Исходя из вышеизложенного, чистки в Ленинграде в указанный период можно описать как развитие основного процесса – снятия и компрометации бывших лидеров, на фоне которого осуществлялись менее масштабные кампании по «очистке города» от нежелательных в новых условиях элементов. Элементы этой амальгамы были связаны между собой, но вряд ли были частями единой, определенной заранее стратегии.

Характерной чертой чисток сталинского времени было изъятие из обращения произведений, тем или иным образом связанных со ставшими запретными темами или персонажами, имевшее своей целью стирание из общественной памяти малейшего упоминания о нежелательных для руководства исторических событиях. Исходя из этого, представляется уместным проанализировать процесс формирования списка запретных произведений – своеобразного *index'a prohibitorum* в современной интерпретации – предполагая, что он отражает развитие и особенности столь значительной для периода позднего сталинизма политической кампании.

Одним из обращающих на себя внимание отличий «ленинградской чистки» от аналогичных кампаний 1930-х гг. стала ее своеобразная «половинчатость» или «незавершенность». После отказа И.В. Сталина в октябре 1949 г. от идеи организации большого политического процесса, что проявилось в его отрицательной реакции на проект «закрытого письма ЦК членам партии», подготовленного Г.М. Маленковым и Л.П. Берией кампания в Ленинграде приобрела не совсем типичный характер. В ходе закрытых партийных собраний и конференций продолжали звучать обвинения в адрес АПГ, но широкомасштабных, многочисленных митингов, сопровождаемых ритуальными проклятиями в адрес изменников, не проходило. Сами обвинения были не слишком тяжкими с точки зрения членов ВКП(б), помнивших процессы времен «большой чистки»: звучали упреки в «нескромности», «самовозвеличивании» и т.д., что давало рядовым коммунистам повод усомниться в истинности объявленных провинностей. Два наиболее часто повторявшихся обвинения во многом определили и политику изъятия неудобных произведений: во-первых, «выпячивание роли отдельных лидеров АПГ» (имелись в виду, в первую очередь, А.А. Кузнецов и Н.А. Вознесенский), во-вторых, «неоправданное преувеличение собственных заслуг во время обороны Ленинграда, выпячивание роли Ленинграда и стремление оторвать («устроить средостение») ленинградскую парторганизацию от ЦК». Обе эти «провинности» бывшего руководства выделил среди прочего еще Г.М. Маленков в ходе подготовки и проведения объединенного пленума ленинградских горкома и обкома ВКП(б) в конце февраля 1949 г., о чем свидетельствуют его заметки, сделанные в ходе заседаний³.

³ РГАСПИ. Ф.83. Оп.1. Д.13. Л.105-109.

Следует отметить, что ликвидация последствий «выпячивания» началась до ареста основных обвиняемых. Например, еще 25 июля 1949 г. Секретариат ЦК ВКП(б) на заседании под председательством Г.М. Маленкова принял решение: «Поручить т. Сулову подготовить проект постановления ЦК «О политически неправильных установках бывшего руководства Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) (т.т. Попкова и Капустина) в связи с книжкой Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны»...»⁴. Это постановление было принято Оргбюро ЦК ВКП(б) уже 5 августа. В нем, в частности, говорилось: «Бывшее руководство [Ленинграда – К.Б.] в непартийных целях широко пропагандировало книжку Н. Вознесенского. Книжка ... рассматривалась как учебник и ставилась в один ряд с произведениями классиков марксизма-ленинизма»⁵. Несмотря на столь раннее начало кампании, изъятие произведений, упоминавших арестованных руководителей проводилось достаточно непоследовательно. Решения об уничтожении портретов А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина и др. принимались ленинградским партийным руководством несколько раз, начиная с октября 1949 г.⁶. 17 февраля 1950 г. бюро горкома партии приняло решение «Об изъятии политически вредных книг и брошюр из библиотек Ленинграда» Весной того же года в документах ленинградского горкома ВКП(б) появились упоминания о наказаниях, которым были подвергнуты нерадивые руководители низшего звена, по недосмотру которых в организациях и даже в помещениях избирательных участков оставались плакаты с цитатами из выступлений бывших руководителей или их портреты. Следует отметить, что под запретом оказались книги и брошюры, в которых упоминались не только бывшие «первые лица» города, но и произведения, героями которых были руководители среднего звена, как, например, очерк В.К. Кетлинской «Секретарь райкома», попавший под запрет на том основании, что его героем был А.Я. Тихонов, подвергшийся суровому наказанию за причастность к искажению результатов голосования на партийной конференции в декабре 1948 г.

Другую группу запрещенных изданий составляли произведения, посвященные «блокадной теме». Многие исследователи, анализируя причины, по которым тема обороны Ленинграда попала под запрет, считали, что главный мотив нового руководства города - нежелание привлекать внимание к трагическим сторонам блокадной повседневности. В качестве доказательства приводится, например, цитата из уже упоминавшегося постановления бюро горкома партии от 17 февраля 1950 г., относящаяся к поэме О. Берггольц «Февральский дневник»: «...в поэме Берггольц

⁴ РГАСПИ Ф.17. Оп. 116. Д.447. Л.63.

⁵ РГАСПИ Ф.17. Оп. 116. Д.450. Л.13.

⁶ Например, одно из первых писем нового главы ленинградской парторганизации В.М. Андрианова на имя Г.М. Маленкова, посвященное «засоренности» портретами бывшего руководства экспозиций музеев (речь идет, в первую очередь, о музее обороны Ленинграда и музее «Свирская победа») датируется 1 октября 1949 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 148. Л.60)

преобладает чувство обреченности, пессимизма, содержатся элементы так называемой кладбищенской поэзии»⁷. Представляется, однако, что борьба с «пессимизмом» и «чувством обреченности» была отнюдь не основной причиной такого рода решений. Уже в первые дни или даже часы публичных разбирательств по «ленинградскому делу» прозвучала версия того, что «ленинградская антипартийная группа» образовалась именно в годы блокады. На заседании совместном заседании ленинградских бюро обкома и горкома партии 21 февраля 1949 г., которое предшествовало февральскому объединенному пленуму одной из выступавших было сказано: «... нельзя жить заслугами и героизмом периода блокады». Это замечание показалось настолько важным приехавшему из Москвы Г.М. Маленкову, что он не только отметил это в своих персональных заметках, но и сослался на него в своем выступлении на пленуме⁸.

Более пространное объяснение сути злоупотребления «ленинградской темой» дал А.Г. Дементьев, секретарь парторганизации ленинградского отделения Союза писателей СССР, в ходе закрытого партсобрании 29 марта 1949 г., на котором он разъяснял смысл событий, произошедших на февральском пленуме: «Теперь, в свете постановления Объединенного пленума (ленинградских обкома и горкома ВКП (б) 22 февраля 1949 г. – К.Б.) ясно, что и шум, созданный вокруг «ленинградской темы», выпячивание ее нельзя иначе рассматривать как одну из форм заигрывания с ленинградской партийной организацией и желание противопоставить Ленинград всей стране.

Это не значит, что мы не должны любить свой город и гордиться им. Это не значит, что не следует писать о Ленинграде, о его заводах, о его людях. Это не значит, что был прав Гуковский (имелся в виду Г.А. Гуковский, подвергшийся в то время жесткой критике за формализм и «преклонение перед иностранщиной» – К.Б.), который высмеивал ленинградскую тему с позиций формализма.

Но это означает, что если ленинградскую тему раздувать, кричать о ней, то это может привести к зазнайству и противопоставлению Ленинграда стране»⁹.

Обвинения в «выпячивании» роли Ленинграда в ущерб остальным городам СССР предъявлялись и в ходе разбирательства дела историка партии и декана исторического факультета Ленинградского Университета Н. А. Корнатовского в сентябре – октябре 1949 г. При обсуждении книги «Ленинград – город трех революций»¹⁰ утверждалось, что: «Общим недостатком работы является отрыв темы от общей истории партии и истории революционного движения страны. Единственное место, где автор касается революционных событий в Москве — это на странице 24 в связи с

⁷ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп.49. Д.451. Л. 54.

⁸ РГАСПИ Ф.83. Оп.1. Д.13. Л.105.

⁹ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп.54. Д.177. Л.4.

¹⁰ Корнатовский Н.А. Ленинград - город трех революций. Стенограмма публичной лекции, прочит. в Лектории Ленингр. горкома ВКП(б). – Л.: Лениздат, 1947.

декабрьским вооруженным восстанием, но и тут о революционных заслугах Москвы сказано вскользь, глухо, не упоминается даже о том, что Московский Совет в 1905 году в отличие от Петербургского Совета сыграл крупную революционную роль и стал органом вооруженного восстания. Такая изоляция Ленинграда от истории страны и от Москвы, какая проводится автором в лекции, искажает историческую действительность и политически воспитывает в духе самостийности, зазнайства и противопоставления Ленинграда всей стране»¹¹.

При обсуждении персонального дела Н.А. Корнатовского на заседании бюро ГК ВКП(б) в сентябре 1949 г. секретарь горкома Н.Д. Казьмин заявил: «Я хотел еще остановиться на очень важных материалах, говорящих об исключительной политической недобросовестности Корнатовского. В 1947 г. была издана книга «Ленинград — город трех революций». Само название, почему Ленинград — город трех революций, а Москва тоже город революций и ряд других крупнейших городов — тоже города трех революций»¹².

Приведенные примеры показывают, что основной причиной запрета «ленинградской темы» было отнюдь не желание избежать показа излишне трагических сторон в истории города, в первую очередь в блокадное время, а борьба с надуманным обвинением в «выпячивании» роли Ленинграда с целью противопоставления его партийной организации руководству партии.

Еще одной группой печатных работ, вызвавших повышенное внимание прибывших из Москвы руководителей, были статьи и монографии по различным вопросам истории СССР, подготовленные учеными, работавшими в ленинградском институте истории партии. В основном, обвинения сводились к двум позициям. Во-первых, во многих статьях и сборниках документов были найдены т.н. «скрытые цитаты» из работ Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева. Это, чаще всего, объяснялось простым недосмотром авторов и составителей: в качестве цитат они часто приводили выдержки из статей в большевистских газетах, опубликованных под инициалами или анонимно. Как выяснилось, некоторые из этих статей были написаны на самом деле упомянутыми «врагами народа». Во-вторых, историки обвинялись в том, что недостаточно полно раскрывали роль И.В. Сталина в событиях 1917 г. и при обороне Петрограда от белогвардейцев.

При рассмотрении процесса нарастания цензурных запретов при проведении чистки 1949-1950 гг. в Ленинграде необходимо остановиться и на вопросе об инициаторах этой кампании. Следует отметить, что все решения о изъятиях существовавших произведений, а также о цензурных запретах готовились новым партийным руководством города, а именно, первым секретарем ГК и ОК ВКП(б) В.М. Андриановым и прибывшими из Москвы летом 1949 г. партийными работниками: секретарями ГК и ОК Н.Д. Казьминым, В.Н. Малинным. Безусловно, их деятельность протекала под

¹¹ Болдовский К.А. «Прошу оказать мне доверие...», С. 277

¹² Там же. С. 283.

жестким контролем московских руководителей, в первую очередь, Г.М. Маленкова. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, направленные в ЦК партии из Ленинграда с отчетами о проделанной работе по «очищению города» или с просьбой о поддержке тех или иных действий на уровне центральных органов.

Весьма характерным является механизм принятия решений об изъятии «неблагонадежной» печатной продукции. В основном сигналы поступали из книготорговых организаций - в первую очередь от руководства Ленкогиза¹³.

Уже в начале сентября 1949 г. в отдел пропаганды и агитации ГК ВКП(б) поступило письмо от руководства Ленкогиза, в котором говорилось: «По заявлению продавца магазина № 61 4 сентября одним из покупателей было указано на необходимость снятия с продажи книги «Дважды орденоносный Ленинград», изд<ания:> Госполитиздат, 1945 г. Книга была снята с продажи... . Цензурой Горлита книга пропущена 5.09. на совещании директоров магазинов мною было вторично вменено в обязанность директорам магазинов просмотреть всю литературу на предмет снятия с продаж книг и брошюр Кузнецова, Попкова, Капустина и Вознесенского...»¹⁴. Необходимо отметить, А.А. Кузнецов и П.С. Попков были арестованы в Москве 13 августа 1949 г., об их аресте ни в печати, ни на партийных собраниях не сообщалось, а Н.А. Вознесенский во время написания этого письма вообще еще был на свободе (он будет арестован только 27 октября). Как следует из текста документа, никаких решений Горлита по данному вопросу еще не существовало. Таким образом, как в данном случае, так и при принятии других аналогичных решений, на первый план выступает «региональная инициатива». Местные партийные начальники, получив из Москвы команду по очистке города от «вредных идеологических проявлений», действовали преимущественно самостоятельно, привлекая цензурные органы, которые находились в подчинении центра, только впоследствии. Об этом свидетельствует и тот факт, что основное, обобщенное решение ленинградского горкома партии по поводу изъятия «политически вредной литературы» было принято, как уже упоминалось 17 февраля 1950 г., а приказы по Леноблгорлиту об изъятии всех произведений, в которых упоминались фамилии арестованных руководителей города были подписаны только во второй половине лета 1950 г. (28 июня и 18 июля). Следует отметить, что и решение горкома партии в феврале 1950 г. готовилось на основании списков «политически вредных произведений», составленном в отделе пропаганды и агитации на основании информации, представленной руководством Ленкогиза, а не Ленгорлита.

Охранительные усилия на местном уровне иногда выходили за рамки компетенции региональных властей. В стремлении не пропустить ни одного «крамольного» факта местное руководство часто стремилось выглядеть

¹³ Ленкогиз – Ленинградское отделение книготоргового объединения государственных издательств.

¹⁴ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп. 54. Д. 148. Л.3.

«святое Папы Римского». Это хорошо видно из переписки Ленкогиза с горкомом ВКП(б), а горкома с ЦК партии, в сентябре-октябре 1949 г.

28 сентября 1949 г. в ГК ВКП (б) на имя секретаря горкома В.Н. малина поступило письмо, подписанное директором Ленкогиза Л.В. Поповым. В письме обращалось внимание на то, что: «... в первом издании «Большой Советской Энциклопедии» и в «Малой Советской Энциклопедии» имеются статьи, в которых дается антипартийная характеристика Бухарина, Зиновьева, Троцкого и других врагов народа.

Так, в 8-ом томе БСЭ, вышедшем в 1927 году, помещена ... статья Д. Марецкого «Бухарин Николай Иванович» Статья Марецкого полна восхвалений Бухарина... .

В 27-ом томе БСЭ, вышедшем в 1933 г. , помещена ... статья Б. Волина «Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич». В этой статье говорится об антипартийной деятельности Зиновьева, но в целом дана неверная характеристика этого врага народа. ...

В «Дипломатическом Словаре» том 1 Госполитиздат. 1948 г. ... помещена статья «Кардель Эдуард¹⁵», где об этом предателе говорится как о государственном деятеле и дипломате.

До настоящего времени нет никаких указаний, запрещающих распространение большой Советской и Малой Советской Энциклопедий. Органами Главлита было дано лишь указание изъять из 8-го тома БСЭ портрет Бухарина (отдельный лист).

Считаем недопустимым дальнейшее распространение этой вредной, контрреволюционной литературы. Необходимо изъять из продажи отдельные тома БСЭ и МСЭ или, в крайнем случае, изъять из томов отдельные статьи. В отношении «Дипломатического Словаря» целесообразно поставить вопрос о сдаче первого тома Госполитиздату для соответствующих исправлений¹⁶.

Проанализировав письмо, секретарь ГК ВКП(б) Н.Д. Казьмин обратился к заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.М. Попову с жалобой на то, что «.. до настоящего времени от Главлита нет никаких указаний, запрещающих распространение этих книг или изъятие этой вредной контрреволюционной литературы для соответствующих исправлений. Прошу Вашего указания по этому вопросу»¹⁷.

Как и в других идеологических кампаниях, стремление «найти крамолу» иногда доходило до абсурда. В поиск «политически вредных» произведений включилось даже руководство ленинградского управления МВД. Эти усилия вскоре принесли результат. В адрес первого секретаря ГК и ОК ВКП(б) В.М. Андрианова было направлено письмо следующего содержания: «... начальник Управления МВД ЛО т. Шикторов сообщает, что Государственным Эрмитажем изданы научные труды, в которых без

¹⁵ Речь идет об Эдварде Карделе, который в описываемый период занимал посты заместителя председателя правительства и министра иностранных дел Югославии.

¹⁶ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп.54. Д.148. Л.7-8.

¹⁷ ЦГАИПД СПб Ф.24. Оп.54. Д.148. Л.9.

основания превозносят английского художника Доу (1781-1829), возводя его в ранг первоклассно художника с мировым именем, и незаконно приписывают его кисти все портреты грандиозной портретной галереи русских генералов – героев войны 1812 года.

По имеющимся материалам все портреты галереи писались русскими художниками-крепостниками, которые в трудах Эрмитажа охаиваются.

Для восстановления заслуженной славы русских художников т. Шикторов просит создать специальную комиссию и результат проверки опубликовать в печати»¹⁸. Рассмотрев итоги искусствоведческих изысканий начальника УМВД, В.М. Андрианов распорядился вынести этот вопрос на рассмотрение бюро горкома партии, которое своим решением образовало необходимую комиссию, поручив ей разобраться в вопросе и подготовить предложения. По всей видимости, во время работы комиссии здравый смысл все-таки возобладал, поскольку никаких мер принято не было и в документах бюро горкома партии упоминания об этой проблеме больше не появлялись.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что список запрещенных произведений в ходе ленинградских чисток 1949-1950 гг. формировался из трех основных групп. Во-первых, в него попадали издания, в которых упоминались снятые со своих постов руководители (в первую очередь, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, Н.А. Вознесенский). Во-вторых, под запретом оказались произведения, в которых «излишне выпячивалась» роль Ленинграда в жизни страны. Это относилось отнюдь не только к блокадному времени, но и к другим периодам истории СССР. В-третьих, жестким проверкам подверглись все работы по истории партийной организации города, часть из которых была запрещена из-за «скрытых» в них упоминаний о деятельности давно разоблаченных «врагов народа» (в первую очередь, Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого), а также из-за недостаточного внимания к деятельности И.В. Сталина во время событий, происходивших в Петрограде-Ленинграде.

Анализ процедуры подготовки списков «политически вредных» произведений показывает, что инициатива в этом процессе принадлежала не органам Ленгорлита, а непосредственно руководителям горкома и обкома ВКП(б), которые действовали на основе информации, полученной, главным образом, при помощи книготорговых организаций (Ленкогиза).

НАЗВАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ

Features of formation of the Index Prohibitorum during the purges in Leningrad. 1949-1950.

АННОТАЦИЯ

¹⁸ ЦГАИПД СПб Ф.25. Оп.28. Д.229. Л.137.

Статья посвящена исследованию специфических особенностей формирования списка запрещенных произведений во время чисток в Ленинграде в 1949-1951 гг. Статья основана на архивных документах. Автор делает вывод о том, что главными инициаторами запрещений были партийные руководители города.

SUMMARY.

The article is based on archival documents and investigates specific features of the formation of a list of prohibited works (Index Prohibitorum) during the purges in Leningrad in 1949-1951. The author concludes that the main initiators of the prohibitions were new party leaders of the city.